

К.М. Поливанов

ЯПОНСКАЯ КНИГА ДЛЯ РУССКОГО ЧИТАТЕЛЯ (рецензия на книгу Б. Ланина «Методика преподавания и изучения литературы»)

Антология «Методика преподавания и изучения литературы», составленная Борисом Ланиным, позволяет взглянуть на общеизвестный факт особого положения литературы в жизни русского общества в ракурсе того места и значения, которое придавалось «прохождению» этого предмета в гимназиях и школах с конца XIX до конца XX столетия.

Как должна преподаваться литература в школах, к каким результатам это преподавание должно приводить, к каким средствам при этом можно, а к каким не следует прибегать — все это и составляет предмет собранных в антологию статей, работ, выступлений. Среди авторов — знаменитые русские педагоги XIX столетия В.Я. Стоюнин и А.Д. Алферов, историки литературы В.В. Сиповский и С.А. Венгеров, литературные критики Ю.И. Айхенвальд и А.Г. Горнфельд, известные литературоведы XX века Б.М. Эйхенбаум, Б.В. Томашевский и А.П. Скафтымов, авторы сегодняшних пособий для изучения и преподавания литературы Г.И. Беленький и Г.И. Ионин.

Предметом размышления и обсуждения на протяжении двух веков становились вопросы, на которые и до сих пор не нашла однозначных практических ответов российская школа: чему собственно можно и должно учить на уроках литературы. Предлагаемые решения при этом, естественно, зависят главным образом от того, в чем педагоги, филологи и критики видят существо самой литературы — в воспроизведении жизни, в проповеди нравственных принципов, в эстетических достоинствах, делающих произведения

К.М. Поливанов. Японская книга для русского читателя
(рецензия на книгу Б. Ланина «Методика преподавания и изучения литературы»)

предметом восхищения и наслаждения, или в том особом языке, композиции, организации сюжета, которые составляют поэтику литературного текста. Соответственно, в зависимости от понимания авторами существа предмета, и школьники должны или извлекать из него множество различных знаний о мире, или получать нравственный урок, или приобщаться к прекрасному, или привыкать к осознанному, вдумчивому, тщательному чтению-анализу. Естественно при этом, что без последнего умения — глубокого аналитического чтения — едва ли могут быть по-настоящему результативны попытки извлечь познания или нравовучения.

Чрезвычайно интересна включенная в антологию работа Скафтымова «О преподавании литературы в дореволюционной школе». Автор показывает, что акцентирование внимания на обличительности и оппозиционности литературных произведений с прямой привязкой степени того и другого к достоинству произведения и автора, началось задолго до 1917 г. Оппозиционность режиму была неотъемлемой чертой российской интеллигенции, к которой принадлежали учителя словесности гимназий и училищ. Скафтымов рассказывает о роли А.П. Милюкова — друга В.Г. Белинского, преподавателя 2-й Петербургской гимназии и Сиротского института — в формировании интеллигентского, учительского отношения к учебному курсу литературы. Его книга «Очерк истории русской поэзии» (СПб, 1847) и была, вероятно, первым связным изложением истории русской литературы, где у всех авторов от Кантемира до Пушкина едва ли не единственным достоинством оказывалось сатирическое обличение социальных пороков окружающей жизни.

Но не только идеологический уклон в преподавании литературы беспокоил авторов собранных в антологию трудов. Многие из них писали об опасности безответственных, поверхностных рассуждений о произведении, которые могут стать результатом принципиального неравенства положения на уроке учителя, красиво рассуждающего по выстроенному заранее плану, и учеников, которые в лучшем случае знают заранее, о каком произведении будет идти речь. Бесспорный вред для школы представляют уроки литературы, заменяющиеся пусть ярчайшими, но лекциями, порождающими «умственный паразитизм» (выражение В.В. Данилова из статьи 1917 г.). Недостаток подобного проведения уроков в том, что они не требуют от ученика собственного поиска аргументов, собственного анализа. Также давно стала ясна принципиальная порочность (много более опасная, чем просто бессмысленность) заучивания материала по учебнику, а тем более, увы, столь распространенное и поныне «прохождение» литературы по учебникам. (Теперь

К.М. Поливанов. Японская книга для русского читателя
(рецензия на книгу Б. Ланина «Методика преподавания и изучения литературы»)

к учебникам, где все раз и навсегда «объяснено», добавились еще и многочисленные, напечатанные при этом солидными издательствами просветительской литературы под редакцией «уважаемых» педагогов и филологов, краткие изложения содержания программных произведений.) Исключительно тонкий филолог Б.М. Эйхенбаум в статье 1915 г. «О принципах изучения литературы в средней школе» не только подвергает сокрушительной критике практику преподавания и существующие учебники, но и предлагает в принципе отказаться от прохождения литературы в качестве общеобязательного школьного предмета. Дальнейшая судьба литературы в советской школе неоднократно порождала у многих умных людей сходные эмоции и мечты.

Помимо общих рассуждений о том, как надо преподавать словесность, Б. Ланин отобрал в свою антологию и примеры разборов конкретных произведений русских писателей, предлагавшихся педагогами и филологами (хотя и почти все филологи были не чужды педагогической практике), постаравшись представить, видимо, для выразительности сравнений главным образом разборы «Евгения Онегина» и «Преступления и наказания». (Впрочем, в книге есть интересные разборы и других произведений школьной программы: разбор стиха из «Горя от ума», сделанный Б.В. Томашевским, анализ бунинской «Митиной любви», проведенный Ф.А. Степуном, рекомендации по школьному преподаванию «Повестей Белкина», принадлежащие одному из замечательных русских филологов М.Л. Гофману и многие другие).

Очень интересной представляется часть антологии, посвященная материалам из эмигрантских журналов, в том числе из специального издания 1920-х гг. «Русская школа за рубежом». Для эмиграции вопрос о русском языке и литературе, их преподавании и осмыслении становился еще и вопросом сохранения национальной культуры и собственной культурной идентификации в чужой среде. Среди авторов, писавших в эмиграции о преподавании литературы, — священник А. Ельчанинов, философ Ф. Степун, критики В. Вейдле и Е. Елачич, исследователь творчества Достоевского А. Бем. Но многие проблемы, затронутые эмигрантами, ничуть не менее актуальны и для школы метрополии. Хорошо известно, что чем хрестоматийнее текст, тем труднее разглядеть в нем предмет для объяснения, комментария, анализа. Учителя могут неправильно оценить степень неосведомленности, неподготовленности своих учеников к чтению того или иного текста. Елачич приводит пример гимназистки, полагавшей, что в строчках «И колокольчик, дар Валдая, звенит уныло под дугой» использовано деепричастие от

К.М. Поливанов. Японская книга для русского читателя
(рецензия на книгу Б. Ланина «Методика преподавания и изучения литературы»)

неизвестного глагола «дарвалдать». Здесь мы сталкиваемся с еще одной проблемой, не имеющей, как представляется, легкого и однозначного решения: что и как следует учить наизусть в рамках школьного курса словесности. При всех плюсах знания стихотворений наизусть именно здесь чаще всего и возникает опасность, выучив текст целиком, не уделить внимания его частностям, не вычленив отдельные элементы из единого «дарвалдая».

Нельзя не сказать о том, с каким мастерством и глубоким знанием дела составлена описываемая антология. Несомненно, что она явилась результатом долго и тщательно выношенного профессором Ланиным замысла. Биографические очерки об авторах собранных в антологию работ содержат множество интересных и иногда неожиданных подробностей. Например, рассказ о нищенстве Гершензона, отец которого не смог поверить, что сын зачислен на историко-филологический факультет Московского университета в квоту для «иноверцев», а не «предал свою веру ради карьерных соображений», в результате чего студент-филолог «ходил в старом студенческом сюртуке и невесть откуда взявшейся николаевской шинели, с бобровым воротником и едва не доходившей до колен пелериной. Обе полы огромной шинели приходилось все время придерживать руками...» Или о поворотах научной и педагогической судьбы Б.В. Томашевского: «Революция многое изменила в жизни русской интеллигенции. Томашевскому пришлось несколько лет заниматься статистикой: в стране, где был полностью разрушен учет, где революционная стихия властвовала не только над цифрами и фактами, но и над человеческими судьбами. Эти занятия статистикой неожиданно сменились лекциями по стихосложению, которые Томашевский начал читать в Петроградском институте истории искусств...»

С заразительным пафосом пишет Ланин о литературоведческих исследованиях и о педагогическом поприще своих героев, выпукло и темпераментно предваряет их сочинения, например, работу Евреинова «Много ли драматических произведений в школьных программах?» Прочитав ее, понимаешь, что могло бы, нет, должно было бы быть гораздо больше. Он пишет взахлеб, точно горячий эмоциональный человек читает лекцию. Он не спрашивает: «Вы любите театр?» Он просто убежден, что все мы живем в одном огромном театре. Кого ни возьми — Фрейда или Цезаря, Наполеона или маленькую девочку из чеховского рассказа — все они актеры в написанной кем-то пьесе. Театральность, стремление к перевоплощению рождаются вместе с человеком (если не раньше его — так и хочет сказать Евреинов), и великая роль школы заключается в том, чтобы этот дар в нем развить и утвердить. И в каждом таком

К.М. Поливанов. Японская книга для русского читателя
(рецензия на книгу Б. Ланина «Методика преподавания и изучения литературы»)

пассаже составителя обозначаются чрезвычайно актуальные проблемы и задачи российской школы.

И в то же время, наверное, у каждого держащего в руках эту антологию возникает досада, что столь необходимая для русской школы и сегодняшнего учителя книга опубликована в Японии (!), то есть не имеет никаких шансов стать настольной для русских учителей.

Несомненно, что главная проблема сегодняшнего преподавания словесности в российских школах — неподготовленность учителей. А ведь каждый из них сможет справиться со своей бесспорно нелегкой задачей только тогда, когда научится в каждом произведении, на каждом уроке проводить собственное филологическое исследование, вовлекать в него учеников, учить и их искать предмет для исследования в каждой строчке любого литературного произведения.

Помочь учителям при сегодняшнем оставляющем желать лучшего уровне российского педагогического и филологического высшего образования смогут только хорошие книги. И антология «Методика преподавания и изучения литературы», составленная Борисом Ланиным, напечатанная в Sapporo в серии Slavic Research Library, издаваемой Slavic Research Center Hokkaido University,— одна из полезнейших книг, какую только можно представить себе «на вооружении» наших учителей.

Остается надеяться, что найдутся для нее издатели и в России.